

КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Философия георациональности**Китайская рациональность в современном мире***А.В. Ломанов**Институт Дальнего Востока РАН, Москва, Россия*

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-24-37

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье рассматриваются основные проблемы современных публикаций китайских ученых о специфике китайской рациональности. Среди наиболее распространенных характеристик упоминают ориентацию на практику, внимание к жизни общества и повседневной жизни людей, стремление к срединности и гармонии в моральной сфере. Межкультурные сопоставления служат обоснованию роли традиционной рациональности как балансира, удерживающего китайскую мысль от субъективизма, иррационализма, абстрактных рассуждений и формализма. Исследователи стремятся выявить воздействие «прикладной рациональности» на формирование позитивных духовных особенностей китайской нации. Распространенная трактовка китайской практической рациональности указывает на приоритет практики политического управления над теоретическими рассуждениями о политике, в моральной сфере она обусловила отторжение крайностей в поведении людей и установила нормативный характер срединности и гармонии. Стремление людей держать свои чувства под контролем и проявлять активный подход в отношении окружающего мира сопровождалось признанием более высокой ценности эмпирического опыта и интуиции по сравнению с формальными и абстрактными идеями. Сосредоточение внимания на мирской жизни людей лишило китайскую рациональность «потустороннего» религиозного измерения. Участники обсуждения отмечают, что китайская культура обрела устойчивость и «эластичность», однако ей недостает западной формальной рациональности как предпосылки научного знания. Большое внимание китайские исследователи уделяют воздействию традиционной рациональности на становление китайской философии в XX в. и на

выбор социально-политического пути развития страны. Стремление подчеркнуть различия культур Китая и Запада сочетается с поисками сходства между китайской рациональностью и марксизмом, что выводит дискуссию за рамки академической компаративистики и делает ее содержание актуальным для понимания современных проблем.

Ключевые слова: Китай, рациональность, практика, ценности, конфуцианство, марксизм.

Ломанов Александр Владимирович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

a_lomanov@hotmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-2676-4271>

Цитирование: Ломанов А.Н. (2018) Китайская рациональность в современном мире // *Философские науки*. 2018. № 7. С. 24–37.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-24-37

Chinese Rationality in the Modern World

A.V. Lomanov

Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-24-37

Original research paper

Summary

The article focuses on the key issues of contemporary Chinese academic publications on the specifics of Chinese rationality. Among its most common characteristics, there are focus on practice, attention to everyday life of society and individuals, pursuit of centrality and harmony in the moral sphere. Cross-cultural comparisons serve to justify the role of traditional rationality as a balancer keeping Chinese thought away from subjectivism, irrationalism, abstract reasoning and formalism. The researchers seek to identify the impacts of “applied rationality” upon the formation of positive features of Chinese national character. The widespread interpretation of Chinese practical rationality underlines the priority of practice of political governance over the theoretical reasoning about politics; in the moral sphere it leads to rejection of extremes in human behavior and sets the normative status of the middle path and harmony. The inclination of humans to keep their emotions under control and to take a proactive approach to the world was accompanied by recognition of the higher value of empirical experience and intuition compared to formal and abstract ideas. The focus on the secular

life of people deprived the Chinese rationality of the “otherworldly” religious dimension. The participants of the discussion note that the Chinese culture has gained stability and “elasticity,” but it lacks Western formal rationality, which is a prerequisite for scientific knowledge. Chinese researchers pay much attention to the impact of traditional rationality on the formation of Chinese philosophy in the 20th century and to the choice of socio-political path of national development. The emphasis on the differences between the cultures of China and the West is combined with searches for similarities between Chinese rationality and Marxism. That steers the discussion beyond the sphere of comparative studies and makes its content relevant to the understanding of broader set of contemporary problems.

Keywords: China, rationality, practice, values, Confucianism, Marxism.

Alexander Lomanov – D.Sc. in History, Main Research Fellow at the Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences.

a_lomanov@hotmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-2676-4271>

Citation: Lomanov A.V. (2018) Chinese Rationality in the Modern World. Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki. 2018. No. 7, pp. 24–37.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-24-37

Введение

Тема китайской рациональности имеет не только историческое, но и современное измерение. В наши дни в научной периодике КНР можно найти немало публикаций о специфике китайской рациональности, ее влиянии в XX в. на развитие китайской философии и на выбор социально-политического пути развития страны. Обсуждение охватывает широкий спектр проблем: от специфики мышления в древнем конфуцианстве и до воздействия китайской рациональности на китаизацию марксизма.

Юй Хунвэй отметил, что традиционная практическая рациональность (*шицзянь лисин* 实践理性) сформировала в китайской культуре ориентацию на практику, стремление к эффективности и поиску истины из фактов (*шиши цюши* 实事求是). Заметим, что последняя характеристика напрямую связывает китайскую рациональность с реформами Дэн Сяопина, подчеркивая ее вклад в формирование современной идеологии модернизации Китая.

В этой трактовке дух китайской рациональности чужд «священному фанатизму», поскольку опирается на «холодный, реали-

стичный, разумный подход». Ему не свойственны аскетизм либо потворство человеческим желаниям, он стремится с помощью разума направлять, удовлетворять и контролировать желания людей. В нем нет нигилистического самоотрицания человека либо эгоизма: на первое место выходит задача установления баланса между человеческой моралью и человеческим характером. Повышенное внимание к практической применимости привело к невысокой заинтересованности в теоретических спорах о трудных философских проблемах, в этом типе рациональности нет ощущения необходимости обращаться к абстракции чистого мышления [Юй Хунвэй 2013, 94].

Историческая ограниченность китайской рациональности проявилась в сферах общественного и научно-технического развития в древнем Китае. Акцент на моральной практике человека вместо «осуществляемой широкими народными массами социальной практики преобразования природы и самого общества» не позволил ей стать двигателем социального развития. Соединение теории и реального практического применения в ущерб абстрактному научному мышлению стало препятствием на пути развития науки и техники в древнем Китае. Успешными в китайской древности были лишь связанные с практикой «четыре великие традиционные науки» – агрономия, медицина, астрономия, математика [Юй Хунвэй 2013, 97–98].

Прикладная рациональность и практика

В китайской научной литературе нередко происходит терминологическое слияние почерпнутого из учения Канта «практического разума» с традиционной «практической рациональностью». Го Сяньцзюнь полагает, что именно китайская «прикладная рациональность» (*шиюан лисин 实用理性*) является духовной особенностью китайской традиционной культуры, в ее основе находится «эмпирическая рациональность» (*цзинььянь лисин 经验理性*). Прикладная рациональность включает в себя ценностную ориентацию на управление в интересах практики, активное мировоззрение, эмпирико-интуитивный способ мышления, веру в важность людских дел и пренебрежение к сверхъестественным сущностям. Благодаря прикладной рациональности у китайской нации сформировался дух постоянного стремления к самосовершенствованию. Все это сделало китайскую культуру устойчивой, но вместе с тем это влияние сообщило ей недостатки утилитаризма.

«Прикладная рациональность» ориентирована на общественную жизнь, она не занимается чистыми рассуждениями и не дает воли иррациональности. Она удовлетворяет достаточно для решения проблем эмпирическому уровню мышления, акцентирует модель, в которой людскими поступками управляет принцип (*ли* 理), «в отношении человеческой жизни принимает оптимистическое продвижение вперед, вместе с тем сохраняет трезвый и хладнокровный взгляд». В китайской классической философии принцип-*ли* был основополагающим структурирующим началом, придававшим упорядоченный вид материальному миру. В отличие от древнегреческой и индийской априорной рациональности и религиозной рациональности, китайская традиционная прикладная рациональность по сути является «светской эмпирической рациональностью», а будучи эмпирической рациональностью, прикладная рациональность есть «соответствие рациональности» (*хэ лисин* 合理性) и «способность к рациональности» (*лисин нэнли* 理性能力), т.е. способность направлять деятельность в существующей обстановке. С точки зрения духа национальной культуры, прикладная рациональность охватывает людские ценностные воззрения, образ мысли, отношение к жизни, человеческие убеждения [Го Сяньцзюнь 2016, 93].

Го Сяньцзюнь использовал характеристики практической рациональности, сформулированные известным китайским обществоведом Ли Цзэхуо. Первая особенность – ценностное устремление к управлению для применения. По Ли Цзэхуо, самой большой особенностью духа прикладной рациональности является поклонение практике, что проявляется в стремлении к результату, в отсутствии интереса к пустым разговорам. Это ценностное устремление ведет к тому, что учение об управлении в Китае развито, но ему трудно породить теоретическую систему чистой мысли. Китайская традиционная мысль и культура по сути своей были политической теорией, которая заботилась о практике.

Вторая особенность – активный целеустремленный подход к человеческой жизни. Ли Цзэхуо считал, что в Китае прикладная рациональность стремилась управлять чувствами с помощью принципа-*ли*. Это проявляется в трезвом и разумном отношении к жизни, побуждая людей не углубляться в туманные иллюзорные мысли. Традиционная рациональность нацеливает людей поко-

рять природу, сохранять деловой настрой, оставаться сильными и деятельными.

Третья особенность – целостный образ мышления эмпирической интуиции. Особенность «сверхлогической природы» древнекитайского интуитивного мышления с его «не-абстрактностью», «не-формализацией» и «неразделенностью чувства и принципа прагматической рациональности» в итоге сводилась к решающей роли традиционного кланового семейного аграрного общества в Китае. Его жизненная практика подчеркивала эмпирический опыт и чувственное постижение. Это привело к тому, что в образе мышления людей не доставало способности к абстракции и логики.

Четвертая особенность – внимание к делам людей, а не к сверхъестественным сущностям. В отличие от западной и индийской трансцендентальности, а также религиозной рациональности, прикладная рациональность выражает заботу о мирской жизни людей. Ей недостает трансцендентальности, заботы о другом мире и высших проблемах [Го Сяньцзюнь 2016, 94–95].

Ли Цзэху полагал, что «в древнем Китае обладавшие окраской абстрактного мышления теории номиналистов и логика моистов не получили развития, после создания единой идеологии при династии Хань модель мышления прикладной рациональности постепенно утвердилась и ее стало трудно поколебать». Он полагал, что прикладная рациональность является «характерной особенностью китайской традиционной мысли». Китайские авторы отмечают, что «прикладная рациональность» Ли Цзэху на деле является практической рациональностью, поскольку обе теории исходят из практики, целью является предоставить эффективную методологию для реальной жизни [Юй Цзяньцзюнь, Дин Чэнцзи 2014, 286–287].

Можно видеть, что характеристики «практической рациональности» и «прикладной рациональности» в современных китайских публикациях во многом повторяют друг друга. Четкой признанной грани между ними нет, хотя поиск различия вызывает интерес у китайских исследователей и становится причиной для споров. В частности, критика обращена в адрес попыток интерпретировать китайскую традиционную культуру с помощью практического разума Канта. Высказывается мнение, что на почве китайской культуры такая интерпретация невозможна, тогда как именно

прикладная рациональность является особенностью китайской традиционной мысли [Чэнь Ин 2008].

Связанную с разумом (reason) и рациональностью (rationality) концепцию рациональности-*лисин* воспринимают как термин китайской философии. Понятия принцип-*ли* и природа-*син* в китайской мысли были уже в древности, однако их соединение и обретение содержания, соответствующего понятиям «разум» и «рациональность», стали событием Нового времени [Ян Гожун 2014, 31]. В развитие этой мысли можно задать вопрос о том, в какой мере «рациональность» из современного китайского философского лексикона сохраняет внутри себя память о прежних значениях входящих в него иероглифов «*ли*» и «*син*».

Китайские исследователи подчеркивают, что наиболее отчетливыми особенностями традиционной конфуцианской этики были прикладной характер (*шиюнсин* 实用性) и практический характер (*шицзяньсин* 实践性) [Лэй Чжэнь 2016, 12]. Проблемы морали вторгаются в сферу обсуждения китайской рациональности. Чжан Цзяньюнь отметил, что проявлениями прикладной рациональности в моральной сфере являются неприятие чрезмерных действий, а также стремление к срединности и гармонии, выступавшие в китайской традиции как высшая сфера соединения разума и эмоций. Прикладная рациональность подчеркивает практику, практическое действие, практический результат. Этот настрой с давних времен позволял обеспечивать целостное равновесие, удерживая дух китайской культуры от чрезмерного углубления в проблемы субъектности. Хотя практическая рациональность не породила в Китае науку Нового времени, она придала китайской культуре значительную «внутреннюю эластичность», позволяющую китайцам рассматривать проблемы исходя из своей реальной жизни, с точки зрения обеспечения собственного существования и развития. Благодаря оптимизму и гибкости китайцы способны даже в самой неблагоприятной внешней среде избегать деградации и не падать духом [Чжан Цзяньюнь 2017, 184].

Китайская рациональность на фоне Запада

Авторитетный исследователь Мэн Пэйюань заявил, что в западной традиции рациональность-*лисин* понимают как абстрактную всеобщую способность разума. Западный рационализм добился блестящих достижений, но его крайнее развитие уже привело к «утрате» человека, и люди стали инструментами рациональности.

Тем временем китайская философия является «практически-рациональной». Она рациональна потому, что воля и целенаправленная деятельность определяются априорной и обладающей всеобщностью «рациональностью». Но это не «чистый разум» в духе Канта. Эта рациональность не является чистой формой, хотя она имеет сущностное содержание в виде чувства-*цин*, которое есть у каждого человека. Метод китайской философии – это не рациональный анализ, а интуитивное постижение.

Формализация выступает как самая главная особенность западного рационализма, связанная с логическим мышлением. Логика говорит только о форме и ее всеобщности, но не о конкретном содержании. Формализация концепций и категорий является успехом человеческого мышления. Нельзя сказать, что китайской философии совсем не нужна форма. Однако форма не может существовать в отрыве от конкретного содержания, рациональность придает некоему содержанию разумную форму и соединяет их воедино. Поэтому рациональность китайской философии – это «конкретная рациональность», а не формальная рациональность. «Можно сказать, что эта рациональность превзошла противоположность между рациональностью и иррациональностью, воплощая гуманистический дух китайской философии. Имеет ли эта рациональность ценность в современном обществе? Я думаю, что она очень ценна. Это не теория верховенства разума, но она также не скатывается в иррационализм, это может иметь большое значение для объяснения целостности, конкретности и завершенности человека. Конечно, нельзя не признать, что в процессе модернизации нам нужен формальный рационализм, поскольку его нам недостает, и только формализация может устанавливать разумные процедуры и правила. Однако человеческие проблемы намного сложнее, а эмоциональная рациональность имеет незаменимую ценность, ее нельзя отбросить из-за раздражения» [Мэн Пэйюань 2004, 19].

В другой публикации ученый подчеркивал, что в западной философии разделение чувства и разума выступает как важная предпосылка западного аналитического мышления. «В нынешнюю эпоху открытости и культурного многообразия, мы должны активно поглощать западную научную рациональность и повышать научные качества людей. Однако мы не должны отрицать значение чувственной рациональности по той причине, что Китаю недостает традиции научной рациональности. Как раз

наоборот. После того как принципы науки были инструментализованы, наука и техника быстро развивались, были получены материальные достижения. Однако качества людей столкнулись с большими вызовами, это неоспоримый факт. Поэтому чем больше развиваются наука и техника, тем больше мы должны уделять внимание совершенствованию и улучшению гуманистических качеств, особенно чувственных качеств. Конфуцианская теория чувственной рациональности предоставила нам чрезвычайно важный ценностный ресурс, обладающий незаменимым значением и ролью в повышении качеств людей» [Мэн Пэйюань 2008, 24].

Китайские исследователи полагают, что традиционная «прикладная рациональность» в ценностных воззрениях китайцев отличается от западной традиционной рациональности, которой присущи всеобщность и абсолютность. Эта традиция Запада в значительной мере способствовала развитию науки, однако в методологии она впала в метафизику в духе «да – да, нет – нет, а что сверх этого, то от лукавого». Результатом стали накопление труднорешаемых проблем, вещистское воззрение «деньги превыше всего» и крайний индивидуализм. Чжан Цзяньюнь уверен, что доведенные до крайности ценностные воззрения стали глубинным источником постоянных экономических кризисов и социальных проблем западных капиталистических стран.

В современную эпоху значительного роста производительных сил и увеличения богатства развитию человеческой цивилизации нужна целостность. Китайские подходы и методы «управления ради практического применения», «срединности и умиротворенности» обладают большим современным значением. Китайская мудрость помогает урегулировать образ жизни людей в движении между крайностями, она позволяет заглянуть за пределы тех выгод, которые находятся перед глазами. Такое ценностное сознание китайцев обусловило отсутствие чувства поражения в подлинном смысле этого слова – люди всегда могут совершать достойные поступки для семьи, государства и общества, могут наслаждаться жизнью, обрести широкий и глубокий духовный мир.

Приверженность к ценностям прикладной рациональности важна для общества и государства, поскольку требует исходить из того, что «корнем» является человек, а не божество и не деньги, и это человек не прошлого и не будущего, а реальный сегодняшний человек. Свобода, счастье и радость земной жизни реального человека выступают конечными целями, которые преследует

практическая рациональность. Все средства достижения этой конечной цели, включая экономическое развитие, приращение материальных благ, ужесточение правовой системы и укрепление этических норм, всегда являются лишь инструментами и сами по себе целями не являются [Чжан Цзяньюнь 2017, 185–186].

От современного конфуцианства к марксизму

Современные китайские исследователи [Ли Хунвэй 2014] рассматривают проблему создания китайской рационалистической философии XX в. через призму интерпретации понятия «рациональность» (*лисин*) в наследии трех влиятельных мыслителей конфуцианского направления. Это Лян Шумин, Фэн Юлань и Моу Цзунсань. Необходимость создания нового китайского рационализма возникла в процессе адаптации к пришедшим в Китай идеям западной философии. Поиски начались после того, как обнаружилось существенные трудности в применении к китайскому наследию «чистого разума» и «практического разума» Канта.

Хотя проблема соотношения между поисками «принципов» (*ли*) во внешнем мире и внутри человеческого сердца присутствовала в средневековом неоконфуцианстве, в XX столетии вновь встала проблема использования гипотезы всеобщности рациональности для оценки моральных поступков человека. Лян Шумин отнес «принципы» на уровне морали к сфере «рациональности», на уровне знания они принадлежали к сфере «мудрости» (*личжи* 理智). Его трактовка «рациональности» отличалась от принятой в западной философии большей долей интуитивности и «гуманного духа». После Лян Шумина усилиями Фэн Юланя и Моу Цзунсаня была сформирована «концепция “рациональности” китайского культурного консерватизма» [Ли Хунвэй 2014, 21].

Ян Гожун отметил, что в Новое время представительной стала точка зрения Лян Шумина, его интерпретацию рациональности «лисин» можно воспринимать как отклик китайской философии на современную трактовку рациональности. У Лян Шумина рациональность относится к чувственной сфере, его трактовка унаследовала соотношение «чувства» и «принципа» в традиции китайской философии. Согласно Лян Шумину, «принципы чувств» невозможно постигнуть в отрыве от субъективных предпочтений, это мир ценностей. Напротив, «принципы вещей» представляют часть реальности, их нельзя постигнуть, если не отказаться от субъективных предпочтений.

Лян Шумин провел разделение рациональности и разума, в его концепции именно «рациональность»-*лисин* выступает как особенность человечества, которую невозможно понять исключительно в рамках разумного познания. Лян Шумин исходил из ценностного смысла рациональности. К примеру, если ученик на экзамене дал неправильный ответ, то это ошибка в знании, но если он совершил обман, то это ошибка в действии, которая относится к человеческим качествам и входит в сферу рациональности-*лисин* как «смысловой ценности человеческой жизни». Эта концепция стала ответом на приход в Китай западной философии Нового времени, ограничивавшей свою трактовку рациональности «разумным познанием» в ущерб ценностному содержанию. Лян Шумин признавал, что по сравнению с Западом в китайской традиционной культуре познавательной рациональности было недостаточно, однако в ценностной рациональности у нее было явное преимущество [Ян Гожун 2014, 36–37].

Особое место в истории взаимодействия культур Китая и Запада занимает знакомство с марксизмом. Китайские авторы отмечают, что позитивная роль конфуцианства в китаизации марксизма обусловлена практическим характером конфуцианства. Практичность конфуцианства согласуется с практичностью марксизма: обе теории исходят из того, что практика является основой теории [Юй Цзяньцзюнь, Дин Чэнцзи 2014]. Под влиянием «практической рациональности» традиционной культуры китайцы увидели в иностранной теории марксизма ее способность изменить китайское общество. Потом они признали ее способность спасти китайское общество. Еще одним фактором сближения стало сходство коммунистического идеала и идеального общества, к которому стремились китайцы [Ма Цзюйся 2010, 36].

Таким образом, выбор в пользу марксизма был культурно детерминирован. Позднее, в годы реформ китайская рациональность помогла адаптировать марксизм к реальным потребностям страны. Юй Хунвэй отметил, что Дэн Сяопин через «снятие и развитие китайской традиционной практической рациональности» преодолел сковывающее воздействие идеологии «двух абсолютов». Напомним, что эта формулировка появилась в феврале 1977 г. и требовала «все решения председателя Мао решительно защищать, все указания председателя Мао неукоснительно выполнять». Дэн Сяопин «восстановил идейную линию КПК на поиск истины из фактов», выдвинул ряд «практических воззрений» наподобие

призывов «не спорить» и «переходить реку нащупывая камни», «теории кошки» (не важно, какого цвета кошка, главное – чтобы она ловила мышей), критерия «трех полезностей» (нужно рассуждать не о капитализме или социализме, а о том, помогает ли та или иная политика наращиванию производительных сил общества, укреплению комплексной мощи государства, повышению жизненного уровня народа). «Уяснение китайской традиционной практической рациональности и овладение ею обладает очень важным значением для приверженности к теоретической системе социализма с китайской спецификой и для решительного продвижения по пути социализма с китайской спецификой» [Юй Хунвэй 2013, 97].

Китайские дискуссии о рациональности наследуют давнюю тему сопоставления способов мышления и ценностных приоритетов в традиционных культурах Китая и Запада. Стремление подчеркнуть различия двух культур сочетается с поисками сходства между китайской рациональностью и марксизмом, обусловившего выбор идеологии развития страны. Это выводит дискуссию за рамки академической компаративистики и делает ее содержание актуальным для понимания современных китайских проблем. Тезисы о важности практики и эффективности получили новую позитивную трактовку в годы реформ. Вместе с тем сохраняет актуальность вопрос освоения формальных подходов западной рациональности в интересах развития в Китае современного научного знания.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Го Сяньцзюнь 2016 – *Го Сяньцзюнь*. Проявления и историческая роль практической рациональности в китайской традиционной культуре // Чжунчжоу сюэкань. 2016. № 9. С. 93–97 (郭现军. 中国传统文化中实用理性的表现及历史作用. 《中州学刊》2016年第9期93–97).

Ли Хунвэй 2014 – *Ли Хунвэй*. Реконструкция китайской рационалистической философии в XX веке – вокруг концепции «рациональности» Лян Шумина, Фэн Юлани, Моу Цзунсаня // Хэбэй сюэкань. 2014. № 6. С. 21–26 (李洪卫. 20世纪中国理性主义哲学的重建——以梁漱溟、冯友兰、牟宗三的“理性”观念为中心. 《河北学刊》2014年第6期21–26).

Лэй Чжэнь 2016 – *Лэй Чжэнь*. Практическая рациональность китайской традиционной конфуцианской этики и механизм ее действия // Сюэшу цзялю. 2016. № 5. С. 12–16 (雷震. 中国传统儒家伦理的实践理性及其运行机制. 《学术交流》2016年第5期12–16).

Ма Цзюйся 2010 – *Ма Цзюйся*. Роль «практической рациональности» традиционной культуры в выборе Китаем марксизма // Лилунь даокань. 2010. № 12. С. 35–36 (马菊霞. 传统文化“实践理性”对中国选择马克思主义的作用. 《理论导刊》2010年第12期35–36).

Мэн Пэйюань 2004 – *Мэн Пэйюань*. Человек, рациональность, сфера – три проблемы в исследовании китайской философии // Цюань-чжоу шифань сюэюань сюэбао. 2004. № 3. С. 13–22 (蒙培元. 人•理性•境界——中国哲学研究中的三个问题. 《泉州师范学院学报》2004年第3期13–22).

Мэн Пэйюань 2008 – *Мэн Пэйюань*. Чувственный разум в китайской философии // Чжэсюэ дунтай. 2008. № 3. С. 19–24 (蒙培元. 中国哲学中的情感理性. 《哲学动态》2008年第3期19–24).

Чжан Цзяньюнь 2017 – *Чжан Цзяньюнь*. Основной дух и ценность для эпохи китайской традиционной культуры // Цюсо. 2017. № 8. С. 180–187. (张建云. 中国传统文化的根精神及其时代价值. 《求索》2017年第8期180–187).

Чэнь Ин 2008 – *Чэнь Ин*. «Практический разум» – опровержение непонимания «практической рациональности» в китайской традиционной культуре // Сюэ лилунь. 2008 № 22. С. 48–49 (陈颖. “实用理性”——对中国传统文化“实践理性”误解的辩驳. 《学理论》2008年第22期48–49).

Юй Хунвэй 2013 – *Юй Хунвэй*. Историческое развитие и ограниченность китайской традиционной практической рациональности // Хэ-бэй шэхуэй кэсюэ. 2013. № 3. С. 94–98. (于洪卫. 中国传统实践理性的历史发展与局限. 《湖北社会科学》2013年第3期94–98)

Юй Цзяньцзюнь, Дин Чэнци 2014 – *Юй Цзяньцзюнь, Дин Чэнци*. Практический характер конфуцианства и китаизация марксизма // Тяньцзинь дасюэ сюэбао: шэхуэй кэсюэ бань. 2014. № 3. С. 285–288 (余建军, 丁成际. 儒学的实践性与马克思主义中国化. 《天津大学学报: 社会科学版》2014年第3期285–288).

Ян Гожун 2014 – *Ян Гожун*. Концепция рациональности в китайской философии // Вэнь ши чжэ. 2014. № 2. С. 31–37 (杨国荣. 中国哲学中的理性观念. 《文史哲》2014年第2期31–37).

REFERENCES

Chen Ying (2008). “Shiyong lixing” – dui Zhongguo chuantong wenhua “shijian lixing” wujie de bianbo [“Practical Reason” – Refutation of Misunderstanding of “Practical Rationality” in Chinese Traditional Culture]. *Xue lilun = Theory Research*. Issue 22, pp. 48–49 (in Chinese).

Guo Xianjun (2016). Zhongguo chuantong wenhua zhong shiyong lixing de biaoqian ji lishi zuoyong [Manifestations and Historical Functions of Practical Rationality in Chinese Traditional Culture]. *Zhongzhou xuekan = Academic Journal of Zhongzhou*. Issue 9, pp. 93–97 (in Chinese).

Lei Zhen (2016). Zhongguo chuantong rujia lunli de shijian lixing ji qi yunxing jizhi [Practical Rationality of Chinese Traditional Confucian Ethics and Its Operating Mechanism]. *Xueshu jiaoliu = Academic Exchange*. Issue 5, pp. 12–16 (in Chinese).

Li Hongwei (2014). 20 shiji Zhongguo lixingzhuyi zhexue de zhongjian – yi Liang Shuming, Feng Youlan, Mou Zongsan de “li xing” guannian wei zhongxin [The Reconstruction of Chinese Rationalist Philosophy in the 20th Century: Centered on the Concept of “Rationality” of Liang Shuming, Feng Youlan, and Mou Zongsan]. *Hebei xuekan = Hebei Academic Journal*. Issue 6, pp. 21–26 (in Chinese).

Ma Juxia (2010). Chuantong wenhua “shijian lixing” dui Zhongguo xuanze makesizhuyi de zuoyong [The Role of “Practical Rationality” of Traditional Culture in China’s Choice of Marxism]. *Lilun daokan = Journal of Socialist Theory Guide*. Issue 12, pp. 35–36 (in Chinese).

Meng Peiyuan (2004). Ren, li xing, jingjie – Zhongguo zhexue yanjiu zhong de san ge wenti [Human, Rationality, Realm: Three Problems in the Study of Chinese Philosophy]. *Quanzhou shifan xueyuan xuebao = Journal of Quanzhou Normal University*. Issue 3, pp. 13–22 (in Chinese).

Meng Peiyuan (2008). Zhongguo zhexue zhong de qinggan lixing [Sensitive Reason in Chinese Philosophy]. *Zhexue dongtai = Philosophical Trends*. Issue 3, pp. 19–24 (in Chinese).

Yang Guorong (2014). Zhongguo zhexue zhong de lixing guannian [The Idea of Rationality in Chinese Philosophy]. *Wen shi zhe = Journal of Literature, History and Philosophy*. Issue 2, pp. 31–37 (in Chinese).

Yu Hongwei (2013). Zhongguo chuantong shijian lixing de lishi fazhan yu juxian [Historical Development and Limitations of Chinese Traditional Practical Rationality]. *Hubei shehui kexue = Hubei Social Science*. Issue 3, pp. 94–98 (in Chinese).

Yu Jianjun, Ding Chengji (2014). Ruxue de shijianxing yu makesizhuyi zhongguohua [The Practicality of Confucianism and the Sinification of Marxism]. *Tianjin daxue xuebao: shehui kexue ban = Journal of Tianjin University: Social Sciences*. Issue 3, pp. 285–288 (in Chinese).

Zhang Jianyun (2017). Zhongguo chuantong wenhua de genben jingshen ji qi shidai jiazhi [The Fundamental Spirit and Epoch Value of Chinese Traditional Culture]. *Qiusuo = Seeker*. Issue 8, pp. 180–187 (in Chinese).